

⁵² Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 259.

⁵³ Любопытные лексические и фразеологические (а возможно, и семантические) параллели представляет подзаголовок расписания рядовых (ежедневных) евангельских чтений в Геннадиевской Библии (л. 777): «Сказаниепреимущее *всего лета число евангельское и евангелистом претие, откуду начинают и до где стають. Ведомо есть, яко чтется ряд* от Иоанна святого Евангелия...» (Библия 1499 года... Т. 7. С. 387. Курсив наш. — *И. Д.*).

⁵⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 3. СПб., 1903. Стб. 231-235.

⁵⁵ Там же. Стб. 1523, 1526.

⁵⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, С. 157.

⁵⁷ «... Вспомни дни древняя от първозданана Адама до Потопа <... > Помяни же от Потопа до здания столпу <... > Помяни же от столпотворения до Авраама. Помяни же от Враама до Моисея. Помяни же от Моисея до Давида, а от Давида до Иоана Крестителя, сына Захариина...» («Палей Толковая... Л. 83—83 об. »).

⁵⁸ «От Адама до Потопа, от Потопа до разделения язык, от размешения язык до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраила сквозе море, от Исхода сынов Иисраилев до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова Рожества, от Рожества Христова до страсти и Воскресения, от Воскресения же Его и на небеса възшествия и до царства Константинова, от начала царства Константинова до Перваго збора и Седмаго — си вся добре сведаемь...» («Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 436).

⁵⁹ Ср., напр.: «Моисий же <... > научися от ангела Гаврила о бытьи всего мира, и о первом человеце, и яже суть была по нем и по Потопе, и о смешеньи язык... (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 66).

⁶⁰ Ср.: «Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел» (Пс. 89. 5); «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3. 8).

⁶¹ «О веках мира. От Адама до настоящего года минуло 6 веков, а седьмого века минуло 6644 года. Тысяча лет составляет один век» (Кирик Новгородец. Учение, им же ведати человеку числа всех лет//Историко-математические исследования. Вып. 6. М., 1953. С. 177).

⁶² Ср.: Бобринский А. Астрономия Библии. Париж, 1928. С. 20—21 и др.

⁶³ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 19.

⁶⁴ См. описания конца света в Книге пророка Даниила, в Третьей книге Ездры, в синоптических Евангелиях, в Откровении Иоанна Богослова, а также в апокрифических сказаниях, их развивающих, в частности, в Откровении Мефодия Патарского, фрагмент из которого был вставлен в Повесть временных лет под 6604 годом (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 167—168). А. А. Шахматов относил эту вставку к третьей редакции Повести (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 294—295).

⁶⁵ Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии: Ветхий Завет. Милан; М., 1992. С. 268.

⁶⁶ См. Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 161. Ср.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»... С. 41.

⁶⁷ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.; Paris, 1994. С. 216—217.

⁶⁸ См.: Арьес Ф. Указ. соч. С. 121 и след.

© 1995 г. Б. Н. ФЛОРЯ *

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОЛОЦКА

Хорошо известно о существовании в некоторых землях средневековой Руси особого типа государств — городских республик, отличавшихся от соседних княжеств своими «вольностями». Осознание отличий в общественном строе «своего» и других княжеств побуждало граждан республик искать историческое объяснение и обоснование этих отличий. Специалисты по истории Новгорода проследили такие попытки, предпринимавшиеся на новгородской почве, начиная со сказания о «призвании князей» и кончая представлением о «Ярославных грамотах» как источнике новгородских вольностей. Цель настоящей статьи — рассмотреть аналогичную историческую традицию, возникшую на почве другого крупного центра средневековой Руси — Полоцка.

Сообщение о древнем политическом строе Полоцка дошло до нас в составе позднего и довольно недостоверного памятника, получившего в научной литера-

* **Флоря Борис Николаевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

туре условное название — «Хроника Великого княжества Литовского и Жемайтского». В этом памятнике, созданном в 20-е гг. XVI в., по-видимому, по инициативе канцлера Альбрехта Гаштольда и его близкого родственника, епископа Павла Гольшанского, включенный в него «Летописец великих князей литовских», рассказывающий о событиях, происходивших в Великом княжестве Литовском в XIV—XV вв., был дополнен повествованием о более ранней истории Литвы, от момента переселения предков литовцев при императоре Нероне на новую родину¹.

В этом повествовании имеется рассказ о Полоцке, в котором «мужи полочане вечом справовалися, яко великий Новгород и Псков». Литовский князь Мингайло нанес полочанам поражение и захватил город. После него в городе правил его сын Гинвил. Гинвил женился на Марии, дочери великого князя тверского Бориса. Ради нее он «окрестился в руску веру» и принял имя Борис в честь тестя. Он основал и назвал своим именем город на реке Березине (г. Борисов), построил собор святой Софии в Полоцке, а также устроил под Полоцком женский монастырь св. Спаса и церковь Бориса и Глеба на Бельчице. Он «был ласкав на подданных своих и дал им, подданным своим, волности и вечо мети и в звон звонити, и по тому ся справовати, яко у Великом Новгороде и Пскове». Далее отмечается, что у него было двое детей — сын Глеб и дочь Прасковья. Сын княжил после отца в Полоцке, умер молодым и был похоронен в Софийском соборе «со отцом своим в одном гробе». Дочь же, Прасковья, прожив семь лет монахиней в монастыре св. Спаса, уехала в Рим, где «служила Богу пилне» и где была похоронена. Рассказ заканчивается сообщением, что после смерти Глеба полочане «почали за ся вечом справоватися <... > а пана над собою не мели»².

Прежде чем перейти к непосредственному анализу рассказа, следует выяснить, каково его место в общей концепции повествования. Как уже отмечалось, интересующее нас повествование о древней истории Литвы было создано в 20-е гг. XVI в. в среде литовской католической аристократии. Именно в это время литовская знать настойчиво выступала против включения представителей «русской» православной знати в состав великокняжеской рады, отстаивая монопольное право на занятие высших государственных должностей³. Обращение к прошлому должно было дать исторические аргументы для обоснования этой позиции. Как представляется, неслучайно центральное место в интересующем нас повествовании занимают рассказы о завоевании литовскими князьями русских земель, опустошенных татарским царем Батыем. Западная часть современной Беларуси, где литовские князья заложили свою новую столицу Новогрудок, была разорена до такой степени, что ее заняли мирным путем, однако другие русские земли были завоеваны: либо отняты у русских князей, либо отобраны у татар. В повествовании подчеркивается, что, когда русским князьям угрожали татары, они искали помощи у литовского великого князя, а когда опасность миновала, сами пытались напасть вместе с татарами на своего защитника. Тем самым оказывалось, что власть литовцев над русскими землями является вдвойне законной: и потому, что они победили русских князей, и потому, что они освободили эти земли от татар. Тенденция повествования будет совсем очевидной, если учесть, что князь этого древнейшего периода литовской истории провозглашались предками литовских знатных родов раннего XVI в. (Гаштольдов, Довойнов, Гольшанских, Гедройцев).

Рассказ о захвате Полоцка князем Мингайло и правлении там его потомков — один из ряда рассказов о завоевании русских земель. Вместе с тем он имеет особенности, которые в других рассказах не встречаются. Так, ни в одном из прочих рассказов памятника не говорится о принятии литовскими князьями «русской веры», а напротив, подчеркивается их приверженность языческим обычаям (в этой связи упоминаются деревянные идолы — «болваны», поклонение деревьям, описывается обряд сожжения мертвых). Не говорится, разумеется, ни в одном из них и о пожаловании новым «русским» подданным каких-либо вольностей.

Такие отклонения от схемы повествования наиболее естественно объяснить тем, что в Великом княжестве было хорошо известно, что полочане обладали вольностями, полученными некогда от православного князя Бориса. В таких

условиях, чтобы включить эти всем известные факты в свое повествование, его составителю ничего не оставалось, как сделать Бориса потомком вымышленного литовского князя Мингайло, чтобы тем самым и вольности полочан были ими получены от литовских князей. О вымышленном характере той части рассказа, где говорится о принятии сыном Мингайло, Гинвиллом, православия и христианского имени «Борис», красноречиво говорят имена способствовавших этому исторических персонажей — великого князя тверского Бориса и его дочери Марии. Не вызывает сомнений, что сочинитель в данном случае использовал для создания вымышленной ситуации имена исторических деятелей гораздо более позднего времени: великого князя тверского Бориса Александровича и его дочери Марии, первой жены Ивана III.

Некоторые особенности повествования позволяют судить о круге лиц, из которого исходила информация, поступившая в распоряжение составителя «Хроники». Рассказ о княжне, постригшейся в «черницы у святого Спаса в монастыри над Полотою», где она «мешкала (жила. — *Б. Ф.*) <... > книги пишучи на церковь», несомненно, имеет в виду полоцкую княжну Евфросинию, скончавшуюся в 1173 г. и причисленную к лику святых еще в домонгольский период⁴. В летописном рассказе она, однако, почему-то названа другим именем — Прасковья. В нем говорится о ее отъезде в Рим и погребении в этом городе, в то время как Евфросиния скончалась во время паломничества в Иерусалим, а останки ее были перенесены в Киево-Печерский монастырь⁵.

Как показал в прошлом веке А. П. Сапунов, появление такого рассказа было следствием того, что Евфросиния была ошибочно отождествлена со своей сестрой Евпраксией, а последняя, в свою очередь, с раннехристианской мученицей Праксидой (II в.), которая действительно была похоронена в Риме, где в ее честь был построен храм⁶.

Такая трансформация традиционной легенды должна была произойти, как представляется, в среде, заинтересованной в том, чтобы иметь «своего», местного покровителя, но в то же время авторитетного в глазах католического мира. Это дает основание полагать, что сведения об истории древнего Полоцка были получены от членов католической общины этого города, образовавшейся после основания в нем в 1498 г. храма бернардинцев⁷.

О сохранении в Полоцке исторической памяти о правлении в нем князя Бориса и его потомков свидетельствуют и поправки, внесенные в текст рассказа при создании новой, более обширной редакции памятника в 40-х гг. XVI в.⁸ Если в первой редакции говорилось, что детьми князя Бориса были Глеб и Прасковья, то во второй редакции мы находим важное уточнение, что сыном князя Бориса был Василий-Рогволод, сменивший отца на полоцком столе, а князь Глеб и его сестра Прасковья доводились ему внуками⁹.

Явно вымышленный характер рассказа о литовском происхождении князя Бориса и его потомков открывает возможность отождествить их с древнерусскими князьями, правившими в Полоцке до подчинения города Великому княжеству Литовскому. При этом следует принять во внимание оба варианта родословия князей — и в первой, и во второй редакциях. Сопоставление двух сообщений с имеющимися сведениями о правивших в Полоцке древнерусских князьях позволяет установить, что более правильным является вариант второй редакции. Упомянутые в нем князья могут быть отождествлены с сыном Всеслава Полоцкого Борисом, скончавшимся в 1129 г., сыном Бориса, Василием-Рогволодом, сидевшим на полоцком столе в 50—60-е гг. XII в. (последний раз упоминается в 1171 г.) и сыном Василия-Рогволода, Глебом (упоминается в Ипатьевской летописи под 1180 г.)¹⁰. При всей краткости рассказа «Хроники» в ней имеются сведения, которые отсутствуют в известных нам источниках: например, о княжении Глеба Рогволодича в Полоцке и его похоронах в полоцком Софийском соборе в одном гробе с отцом.

Такое отождествление, подтверждая недостоверность сведений о литовском происхождении князей, давших Полоцку вольности, вместе с тем позволяет

ответить на вопрос: стоят ли за отразившимся в «Хронике» представлением о происхождении полоцких вольностей какие-либо реальные исторические факты? Поскольку, согласно «Хронике», вольности, предоставленные полочанам, заключались прежде всего в праве «вече мети и в звон звонити», следует выяснить, какие сведения имеются в источниках XII в. (время правления полоцких князей Бориса, Рогволода и Глеба) о деятельности веча в Полоцке. Соответствующие известия обнаруживаются в содержащемся как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописи рассказе киевского летописца о походе в 1128 г. на полоцких князей княжеской коалиции во главе с киевским князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха. В этом рассказе сообщается, что после первых успехов, достигнутых киевским князем и его союзниками, «полочане, сътснувшися, выгнаша Давыда и с сынами и, поемше Рогволода, идоша к Мстиславу, просяще и собе князем, и створи волю их Мстислав, и поимше Рогволода, ведоша к Полотьюску»¹¹. Исследователи отметили¹², что в этом рассказе полочане впервые выступают как самостоятельная политическая сила. Они изгоняют из города сына Всеслава, Давыда, вместе с сыновьями и предлагают Мстиславу Владимировичу своего кандидата на княжеский стол — Рогволода. Пассивность кандидата и активная позиция полочан подчеркивается в рассказе употреблением терминов «поимше», «ведоша». Для киевского летописца было существенно возведение Рогволода на княжеский стол с санкции Мстислава. Именно на это он и обратил внимание, обойдя молчанием, как складывались отношения полочан с их новым князем.

Свет на это проливают более поздние летописные известия, отмечающие активную роль полоцкого веча в вопросе возведения князей на полоцкий стол. Соответствующий материал уже рассматривался в работах М. Н. Тихомирова и Л. В. Алексеева. Вслед за этими исследователями укажем на то, что полочане в 1132 г. «выгнаша» своего князя Святополка Мстиславича, «а Василка посадиша Святославича»¹³. Еще более выразительны известия середины XII в. Под 1151 г. в Ипатьевской летописи читаем, что «яша полочане Рогволода Борисовича князя своего и послаша Меньску, а Глебовича к собе уведоша и прислашася полочане к Святославу Ольговичу с любовью, яко имети отцемь себе и ходити в послушаньи его и на том целоваша хрест»¹⁴. Запись эта, восходящая, по убедительным наблюдениям Л. В. Алексеева, к летописцу Святослава Ольговича¹⁵, наглядно показывает, какие широкие границы имела самостоятельность полоцкого веча в середине XII в. Полочане, не ограничившись тем, что арестовали своего князя Рогволода и возвели на стол минского князя Ростислава Глебовича, через голову этого князя обращаются к князю Святославу Ольговичу, признавая его верховным сюзереном и принося ему присягу. Это позволяет сделать вывод, что к середине XII в. права полоцкого веча ничем не уступали правам, которые завоевало к этому времени вече новгородское.

Сопоставляя известия летописей и версию «Хроники», можно отметить одно существенное совпадение между ними: оба источника сходятся в том, что в правление Рогволода Борисовича полочане уже пользовались своими вольностями. Но налицо и определенное противоречие. В летописи первое активное выступление полочан связано с именем князя Рогволода, а «Хроника» пожалование полочанам вольностей приписывает князю Борису. Противоречие это, однако, мнимое. Л. В. Алексеев обратил внимание на летописную запись 1129 г.: «Преставися князь полотьюский Борис»¹⁶. Поскольку в предшествующем 1128 г. на полоцкий стол был возведен князь Рогволод, Л. В. Алексеев предположил, что «Борис» — христианское имя Рогволода¹⁷. Это предположение можно подкрепить дополнительным аргументом. В Ипатьевской летописи помещена запись о ссылке Мстиславом в Царьград «кривских», т. е. полоцких князей, среди которых были два Рогволодича¹⁸. В Московском своде 1479 г., где эта запись присутствует в более полном виде, указаны имена Рогволодичей: Василий и Иван¹⁹. Христианское имя «Василий», судя по надписи на так называемом «Рогволодовом камне», носил уже упоминавшийся выше полоцкий князь середины XII в. Рогволод Борисович²⁰, следовательно, отец этого князя имел двойное имя — Борис-Рогволод.

Тем самым очевидно, что обе традиции, литовская и русская, каждая по-своему характеризуют одни и те же события, имевшие место в Полоцке в конце 20-х гг, XII в. В это время полочане впервые выступили как политическая сила, влияющая на судьбу полоцкого стола, и к этому же времени историческое предание отнесило сложение новых норм отношений между князем и городом, конституирование веча как самостоятельного политического института. С течением времени представление о Борисе-Рогволоде как князе, которому полочане обязаны своими вольностями, все более укреплялось. В частности, с этим правителем связывались все наиболее важные памятники города и окрестностей. Если церковь Бориса и Глеба в Бельчицком монастыре действительно могла быть основана Борисом-Рогволодом, то ни у кого не вызывает сомнений, что полоцкий Софийский собор — памятник середины XI в.²¹, а женский Спасский монастырь был основан племянницей Бориса Евфросинией²².

Предание, однако, не случайно связало дом св. Софии и дом св. Спаса с именем князя Бориса, пожаловавшего Полоцку вольности. Именно дом святой Софии и женский Спасо-Евфросиниев монастырь еще в первой половине — середине XVI в. находились под коллективным патронатом Полоцкой земли, имевшей право назначать старост-«опекунов» для надзора за состоянием их имущества²³. Возможно, установление такого патроната также связывалось с каким-либо пожалованием князя Бориса.

Ориентацией полоцкой исторической традиции на личность князя — создателя первой полоцкой «конституции» следует объяснить и сохранение в исторической памяти полоцкого общества сведений только о тех полоцких князьях, которые были прямыми потомками Бориса-Рогволода. Потомком Рогволода объявляет эта традиция и местную святую Прасковью.

Чтобы ответить на вопрос о причинах столь долгого и устойчивого (вплоть до XVI в.) сохранения в Полоцке этой традиции, следует затронуть еще одну тему. Княжение Бориса-Рогволода в Полоцке оказалось очень кратким. Вскоре после его смерти Мстислав Владимирович сослал полоцких князей в Константинополь «и мужи свои посади по городом их»²⁴. В таких условиях самостоятельная роль полоцкого веча вряд ли могла сохраниться. Лишь после смерти Мстислава в 1132 г. полочане снова смогли ставить условия претендентам на княжеский стол. Как представляется, память о Борисе-Рогволоде оказалась столь прочной потому, что он был, вероятно, первым князем, заключившим при вступлении на стол соглашение с полочанами — «ряд». Именно так, скорее всего, следует понимать заявление, что он «дал им, подданным своим, волности, и вecho мети, и в звон звонити», В дальнейшем этот «ряд» стал прецедентом для заключения последующих соглашений, подобно «Ярославлим грамотам», на которые ссылались новгородцы.

Как было показано в работе И. В. Якубовского, напечатанной в начале нашего века, следы древнего «ряда» между городом и князем обнаруживаются в тексте привилея короля Сигизмунда I Полоцкой земле 1511 г. Исследователь выявил в тексте документа некоторые статьи с архаической для XV в. терминологией, которые имеют прямые аналогии в договорах Новгорода с князьями второй половины XIII — начала XIV в. Поскольку некоторые из этих установлений отсутствовали в наиболее ранних новгородских грамотах, а, по мнению исследователя, «несомненно Новгород шел впереди Полоцка в защите своих прав», то возникновение письменного «ряда» между князем и городом он отнес к первой половине XIV в.²⁵ Однако то, что нам известно о полоцком вече XII в., не позволяет считать посылку, из которой исходил исследователь, бесспорной. К тому же далеко не все установления новгородских грамот XIV в., сходные с нормами привилея, позволяют говорить об успехах новгородцев в защите своих прав. Так, статья в новгородском докончании 1327 г. «А новгородьцем волостей и оброков княжих не таити»²⁶ (И. В. Якубовский сопоставляет ее с установлением полоцкого привилея — «а полочаном рек и озер княжих не таити») скорее указывает на столкновение между городом и князем, чем на расширение прав городской общины. Таким образом, нельзя исключать, что тексты древнего «ряда», реконст-

руированного И. В. Якубовским, могут в отдельных установлениях воспроизводить «ряд», заключенный в свое время полочанами с Борисом-Рогволодом, и мы имеем здесь дело с непрерывным развитием определенной традиции — традиции оформления договорных отношений между носителем государственной власти и городом.

Традиция эта, как следует из исследования И. В. Якубовского, продолжала жить и после включения Полоцка в состав Великого княжества Литовского в видоизмененной форме. Она была закреплена областным привилеем, гарантировавшим местной городской общине сохранение определенной автономии при новой власти. Выдавая такой привилей, великий князь связывал себя перед полочанами целым рядом обязательств: управлявшего Полоцком воеводу назначать полочанам только «по их воли», «не вступатися» «в церкви Божьи и в именья церковные без воли» полочан, не ставить в городе «застав». Тем же документом налагался ряд ограничений на деятельность представителя власти — воеводы. Вступая в должность, он должен был принести присягу полочанам, «што ж без их sprawy полочанина не карати ни в чом». Полочане освобождались от обязанности давать воеводе дары при вступлении в должность и «поедет <... > коли на ловы». Воеводе также запрещалось «ездити <... > по волости» для суда и сбора кормов, суд он должен был вершить в Полоцке вместе «з бояры и з мещаны»²⁷. Сохранение существенных элементов договорных отношений между правителем и Полоцком делало актуальным вопрос о происхождении этих отношений, а, следовательно, и о происхождении полоцких вольностей.

Согласно рассказу «Хроники», правление в Полоцке потомков князя Гинвила оказалось непродолжительным. Глеб Рогволодич умер бездетным, и после этого полочане «почали ся вечем справовати, как у Великом Новгороде и Пскове, а пана над собою не мели»²⁸. Таким образом, сохранялась память о том, что в какой-то исторический момент династия правивших в Полоцке князей пресеклась, и город превратился в самостоятельную республику. Вероятно, в качестве такой республики Полоцк вел переговоры с правителями Великого княжества Литовского об условиях перехода под их власть, но сведений об этом в официальном летописании Великого княжества Литовского не сохранилось. В сравнительно небольшом рассказе «Хроники» о древнем Полоцке дважды встречаются ссылки на порядки в Новгороде и Пскове, чтобы читателю стали ясны особенности политического устройства Полоцка. Очевидно, в первые десятилетия XVI в. в представлениях населения Великого княжества Литовского Новгород и Псков выступают как своего рода образец городской республики. Хотя вечевые традиции Полоцка ничем не уступали по древности новгородским, в общественном сознании он явно отступал на задний план по сравнению со своим могущественным соседом.

Предпринятое исследование, как представляется, дает определенный материал для решения более общего вопроса о роли «республиканской» государственности в историческом развитии русских земель как в домонгольский период, так и в последующие века — в XIII—XV столетиях. Само длительное сохранение исторической традиции, объясняющей появление в Полоцкой земле ее особого «республиканского» строя, говорит о длительном существовании того строя, который эта традиция обосновывала. Ясно, что дальнейшие исследования должны опираться на сопоставление процессов, протекавших одновременно в целом ряде политических центров. Вместе с тем приведенный материал позволяет ставить вопрос о судьбах «республиканских» государств и их идейного наследия в рамках более крупных политических образований разных типов. Очевидно, не везде их судьба была такой, как в Новгороде и Пскове. Наконец, проделанная работа убеждает в плодотворности ретроспективного анализа сравнительно поздних источников для выявления следов как исторических преданий, так и институтов более раннего времени. Думается, объектом такого исследования могла бы стать Полоцкая ревизия 1552 г. — описание Полоцкой земли, в котором зафиксированы отношения разных групп населения с государственной властью, как они

сложились к середине XVI в. Выделение в этом источнике напластований разных эпох могло бы дать новый импульс для изучения особенностей «республиканской» государственности в средневековой Руси.

Примечания

- ¹ Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. С. 136—162.
- ² ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 130.
- ³ Любавский М. К. К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии//Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 13—14.
- ⁴ См. рассказы Жития Евфросинии о том, как святая писала книги, сидя «в церкви святой Софии в голбеце каменне», об основании ею монастыря св. Спаса — Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Т. 4. СПб., 1862. С. 174—175.
- ⁵ О смерти Евфросинии в Иерусалиме см.: Там же. С. 178. О судьбе останков Евфросинии см.: Дубровский М. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой. Полоцк, 1877. С. 10.
- ⁶ Сапунов А. Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой. Витебск, 1888.
- ⁷ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. Т. 1. 1387—1507. Kraków, 1948. № 460.
- ⁸ О соотношении редакций и времени их создания см.: Чамярыцкі В. А. Указ. соч. С. 158—160.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 175, 195.
- ¹⁰ Там же. Т. 2. М., 1962. Стб. 293 (Борис), 445, 493—496, 505, 512, 519 (Рогволод), 620 (Глеб).
- ¹¹ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 230.
- ¹² ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 299; Т. 2. Стб. 293.
- ¹³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 200—201; Алексеев Л. В. Указ, соч. С. 260—261.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.
- ¹⁵ Там же. Т. 2. Стб. 445—446.
- ¹⁶ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 270.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.
- ¹⁸ Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304.
- ²⁰ Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 31.
- ²¹ Текст надписи см.: Алексеев Л. В. Указ. соч. С. 230.
- ²² О времени построения полоцкого Софийского собора см.: Там же. С. 194—199.
- ²³ Об основании монастыря имеются прямые свидетельства в Житии Евфросинии (Памятники старинной русской литературы. Т. 4. С. 174). Церковь и земля для устройства монастыря были выделены епископом из имущества Полоцкой кафедры. Князь Борис был лишь свидетелем при акте дарения.
- ²⁴ В привилее Полоцкой земле 1511 г. особо оговаривалось обязательство великого князя «в дом Божий светого Софея и в дом Божий светого Спаса <... > не вступатися». К этим двум «домам» относилось и другое установление привилея: «А домы церковные присмотрят старостам городским» (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. III. М., 1980. № 329. С. 86, 90). В 1559 г. по просьбе полоцких бояр Сигизмунд II подтвердил их традиционное право избирать из своей среды двух опекунов («который у привилыи вашом старостами описаны») для надзора за имуществом церковей св. Софии и св. Спаса, «абы от владыки и игуменья знищчєня именья церковные не терьпели» (РИБ. Т. 30. Юрьев, 1914. Стб. 286).
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295, 304.
- ²⁶ Якубовский И. В. Земские привилеи Великого княжества Литовского//Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. С. 276—278 (реконструкция «ряда» — с. 296).
- ²⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 14. С. 28.
- ²⁸ Текст Полоцкого привилея 1511 г. см.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. III. № 323. С. 85—92. Характеристику полоцкой автономии в первых десятилетиях XVI в. по данным привилея 1511 г. и некоторых других источников см.: Пичета В. И. Полоцкая земля в начале XVI в. //Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961. С. 220—224, 253—256.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 130.